

Андреев. Л.

Леонидъ Андреевъ

/ **Бездна.** /

Съ статьей

ЛЪВА ТОЛСТОГО

и полемической литературой.

БЕРЛИНЪ.

Издание Іоанна Рэде.

1903.

Вмѣсто предисловія.

Мы не раздѣляемъ довольно распространенной у насъ, въ Россіи, точки зрѣнія относительно недостаточной обоснованности и мимолетности литературной славы Л. Андреева. Мы думаемъ напротивъ, что онъ обладаетъ весьма крупнымъ дарованіемъ, и мы надѣемся, что въ будущемъ онъ дастъ, онъ долженъ дать намъ еще длинный рядъ произведеній, стоящихъ во всякомъ случаѣ не ниже того, что онъ уже успѣлъ дать намъ за какіе нибудь два — три года литературной дѣятельности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что наиболѣе яркимъ произведеніемъ Андреева является до сихъ поръ его „Бездна“. Чѣмъ выше утѣсь, тѣмъ сильнѣе бьются о него волны, сказалъ Гейне. „Бездна“ Андреева взбаламутила цѣлое море русской журналистики и вызвала цѣлую литературу. Мы даемъ ниже самый рассказъ Андреева въ редакціи Андреевъ, Бездна.

полной, не искаженной русской цензурой, и наиболее интересное, что появилось по поводу „Бездны“: Письмо студента-техника Нѣмовецкаго, письмо Зиночки, письмо босняка Федора, одного изъ тѣхъ трехъ, что произвели нападеніе въ лѣсу, наконецъ, столь шумѣвшее письмо графини Толстой и весьма для всѣхъ насъ цѣнное мнѣніе самого графа Толстого по вопросу о порнографической литературѣ, предаваемой анаею его супругой.

Бездна.

I.

Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологомъ холмѣ, темнѣла небольшая роща и сквозь вѣтви деревьевъ краснымъ раскаленнымъ углемъ пылало солнце, зажигало воздухъ и весь его превращало въ огненную золотистую пыль. Такъ близко и такъ ярко было солнце, что все кругомъ словно исчезало, а оно только одно оставалось, окрашивало дорогу и ровняло ее. Глазамъ идущихъ стало больно, они повернули назадъ, и сразу передъ ними все потухло, стало спокойнымъ и яснымъ, маленькимъ и отчетливымъ. Гдѣ-то далеко, за версту или больше, красный закатъ выхватилъ высокій стволъ сосны, и онъ горѣлъ среди зелени, какъ свѣча въ темной комнатѣ; багровымъ налетомъ покрылась впереди дорога, на

которой теперь каждый камень отбрасывалъ длинную черную тѣнь, да золотисто-краснымъ ореоломъ свѣтились волоса дѣвушки, пронизанные солнечными лучами. Одинъ тонкій вьющійся волосъ отдѣлился отъ другихъ и вился и колебался въ воздухѣ, какъ золотая паутинка.

И то, что впереди стало темно, не прервало и не измѣнило ихъ разговора. Такой же ясный, задумчивый и тихій, онъ лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви. Оба они были очень молоды: дѣвушкѣ было всего семнадцать лѣтъ, Нѣмовецкому на четыре года больше, и оба они были въ ученической формѣ: она въ скромномъ коричневомъ платьѣ гимназистки, онъ въ красивой формѣ студента-технолога. И какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое: стройныя, гибкія фигуры, словно пронизанныя воздухомъ и родныя ему, легкая упругая поступь и свѣжіе голоса, даже въ простыхъ словахъ звучавшіе задумчивой нѣжностью, такъ, какъ звенить ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ темныхъ полей.

Они шли, сворачивали тамъ, гдѣ сворачивала незнакомая дорога, и дѣлѣ длинныя, постепенно утончающіяся тѣни, смѣшныя отъ маленькихъ головокъ, то раздѣльно двигались впереди, то сбоку сливались въ одну узкую и длинную, какъ тѣнь тополя, полосу. Но они не видѣли тѣней и говорили, и, говоря, онъ не сводилъ глазъ съ ея красиваго лица, на которомъ розовый закатъ точно оставилъ часть своихъ нѣжныхъ красокъ, а она смотрѣла внизъ, на тропинку, отгалкивала зонтикомъ маленькіе камешки и слѣдила, какъ изъ-подъ темнаго платья равномѣрно выдвигался то одинъ, то другой острый кончикъ маленькой ботинки.

Дорогу пересѣкла канава, съ пыльными, обвалившимися отъ ходьбы краями, и они на мигъ остановились. Зиночка подняла голову, обвела вокругъ затуманеннымъ взглядомъ и спросила.

„Вы знаете, гдѣ мы? Я здѣсь ни разу не была.“

Онъ невнимательно оглядѣлъ мѣстность.

„Да, знаю. Тамъ, за этимъ бугромъ, городъ. Давайте руку, я вамъ помогу.“

Онъ протянулъ руку, нерабочую руку, тонкую и бѣлую, какъ у женщины. Зи-

ночкѣ было весело, ей хотѣлось перепрыгнуть канаву самой, побѣжать, крикнуть „догоняйте!“ — но она сдержалась, слегка, съ важной благодарностью, наклонила голову и немного боязливо протянула руку, сохранившую еще нѣжную припухлость дѣтской руки. А ему хотѣлось до боли сжать эту трепетную ручку, но онъ также сдержался, съ полупоклономъ, почтительно принявъ ее и скромно отвернулся, когда у всходящей дѣвушки слегка пріоткрылась нога.

И снова они шли и говорили, но головы ихъ были полны ощущеніемъ на минуту облизившихся рукъ. Она еще чувствовала сухой жаръ его ладони и крѣпкихъ пальцевъ; ей было пріятно и немного совѣстно, а онъ ощущалъ покорную мягкость ея крохотной ручки и видѣлъ черный силуэтъ ноги и маленькую туфлю, наивно и нѣжно обнимавшую ее. И было что-то острое, безпокойное въ этомъ немеркнущемъ представленіи узкой полоски бѣлыхъ юбокъ и стройной ноги, и несознаваемымъ усиленіемъ воли онъ потушилъ его. И тогда ему стало весело, и сердцу его было такъ широко и свободно въ груди, что захотѣлось пѣть,

тануться руками къ небу и крикнуть: „бѣгите, я буду васъ догонять“ — эту древнюю формулу первобытной любви среди лѣсовъ и гремящихъ водопадовъ.

И отъ всѣхъ этихъ желаній къ горлу подступали слезы.

Длинные, смѣшныя тѣни исчезли, и дорожная пыль стала сѣрой и холодной, но они не замѣтили этого и говорили. Оба они прочли много хорошихъ книгъ, и свѣтлые образы людей, любившихъ, страдавшихъ и погибавшихъ за чистую любовь, носились передъ ихъ глазами. Въ памяти воскресали отрывки невѣдомо когда прочитанныхъ стиховъ, въ одежду звучной гармоніи и сладкой грусти облакавшихъ любовь.

„Вы не помните, откуда это?“ спрашивалъ Нѣмовецкій, припоминая: „... и со мною снова та, кого люблю, — отъ которой скрылъ я, не сказавъ ни слова, всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою...“

„Нѣтъ,“ отвѣтила Зиночка и задумчиво повторила: „всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою...“

„Всю любовь мою,“ невольнымъ эхомъ откликнулся Нѣмовецкій.

И снова они вспоминали. Вспоминали чистыхъ, какъ бѣлыя лиліи, дѣвушекъ, на-дѣвавшихъ черную монашескую одежду, одиноко тоскующихъ въ паркѣ, засыпанномъ осенней листвою, счастливыхъ въ своемъ несчастьи; они вспоминали и мужчинъ, гордыхъ, энергичныхъ, но страдающихъ и просящихъ о любви и чуткомъ женскомъ состраданіи. Печальны были вызванные образы, но въ ихъ печали свѣтлѣе и чище являлась любовь. Огромнымъ, какъ міръ, яснымъ, какъ солнце, и дивно красивымъ выростала она передъ ихъ глазами, и не было ничего могущественнѣе ея и краше.

„Вы могли бы умереть за того, кого любите?“ спросила Зиночка, смотря на свою полудѣтскую руку.

„Да, могъ бы,“ рѣшительно отвѣтилъ Нѣмоветкій, открыто и искренно глядя на нее. „А вы?“

„Да, и я.“ Она задумалась. „Вѣдь это такое счастье: умереть за любимого человека. Мнѣ очень хотѣлось бы.“

Ихъ глаза встрѣтились, ясные, спокойные, и что-то хорошее послали другъ другу, и губы улыбнулись. Зиночка остановилась.

„Постойте,“ сказала она. „У васъ на тужуркѣ нитка.“

И доверчиво она подняла руку къ его плечу и осторожно, двумя пальцами сняла нитку.

„Вотъ!“ сказала она и, ставъ серьезной, спросила: „Отчего вы такой блѣдный и худой? Вы много занимаетесь, да? Не утомляйте себя, не надо.“

„У васъ глаза голубые, а въ нихъ свѣтлыя точки, какъ искорки,“ отвѣтилъ онъ, разсматривая ея глаза.

„А у васъ черные. Нѣтъ, каріе, теплые. И въ нихъ . . .“

Зиночка не договорила, что въ нихъ, и отвернулась. Лицо ея медленно краснѣло, глаза стали смущенные и робкіе, а губы невольно улыбались. И не ожидая улыбающагося и чѣмъ-то довольнаго Нѣмовецкаго, она тронулась впередъ, но скоро остановилась.

„Смотрите, солнце зашло!“ съ грустнымъ изумленіемъ воскликнула она.

„Да, зашло,“ съ внезапной, острой грустью отозвался онъ.

Свѣтъ погасъ, тѣни умерли, и все кругомъ стало блѣднымъ, нѣмымъ и безжи-

зненнымъ. Оттуда, гдѣ раньше сверкало раскаленное солнце, безшумно ползли вверхъ темныя груды облаковъ и шагъ за шагомъ пожирали свѣтло-голубое пространство. Тучи клубились, сталкивались, медленно и тяжело мѣняли очертанія разбуженныхъ чудовищъ и не охотно подвигались впередъ, точно ихъ самихъ, противъ ихъ воли, гнала какая-то неумолимая, страшная сила. Оторвавшись отъ другихъ, одиноко металось свѣтлое волокнистое облачко, слабое и испуганное.

II.

Щеки Зиночки поблѣднѣли, губы стали красными, почти кровавыми, зрачекъ непримѣтно расширился, затемнивъ глаза, и она тихо прошептала:

„Мнѣ страшно. Тутъ такъ тихо. Мы заблудились?“

Нѣмовецкій сдвинулъ густыя брови и пытливо оглядѣлъ мѣстность.

Безъ солнца, подъ свѣжимъ дыханіемъ близкой ночи, она казалась непривѣтливой и холодной; во всѣ стороны раскидывалось сѣрое поле съ низенькой, словно притоптанной травой, глинистыми оврагами, буграми

и ямами. Ямъ было много, глубокихъ, отвѣсныхъ и маленькихъ, поросшихъ ползучей травой; въ нихъ уже безшумно залегала на ночь молчаливая тьма; и то, что здѣсь были люди, что-то дѣлали, а теперь ихъ нѣтъ, дѣлало мѣстность еще болѣе пустынной и печальной. Тамъ и здѣсь, какъ сгустки лиловаго холоднаго тумана, вставали рощи и перелѣски и точно выжидали, что скажутъ имъ заброшенные ямы.

Нѣмовецкій подавилъ поднимавшееся въ немъ тяжелое и смутное чувство тревоги и сказалъ:

„Нѣтъ, мы не заблудились. Я знаю дорогу. Сперва полемъ, а потомъ черезъ тотъ лѣсокъ. Вы боитесь?“

Она храбро улыбнулась и отвѣтила:

„Нѣтъ. Теперь нѣтъ. Но нужно скорѣе домой — пить чай.“

Быстро и рѣшительно они двинулись впередъ, но скоро замедлили шаги. Они не глядѣли по сторонамъ, но чувствовали угрюмую враждебность изрытаго поля, окружавшаго ихъ тысячью тусклыхъ неподвижныхъ глазъ, и это чувство сближало ихъ и бросало къ воспоминаніямъ дѣтства. И воспоминанія были свѣтлыя, озаренныя

солнцемъ, зеленой листвою, любовью и смѣхомъ. Какъ будто это была не жизнь, а широкая, мягкая пѣсня, и звуками въ ней были они сами, двѣ маленькія нотки: одна звонкая и чистая, какъ звенящій хрусталь, другая немного глуше, но ярче — какъ колокольчикъ.

Показались люди — двѣ женщины, сидѣвшія на краю глубокой глиняной ямы; одна сидѣла, заложивъ ногу за ногу, и пристально смотрѣла внизъ; головной платокъ приподнялся, открывая космы путаныхъ волосъ; спина горбилась и стягивала вверхъ грязную кофту съ крупными, какъ яблоки, цвѣтами и распустившимися завязками. На проходящихъ она не взглянула. Другая женщина полулежала возлѣ, закинувъ голову. Лицо у нея было грубое, широкое, съ мужскими чертами, и подъ глазами на выдавшихся скулахъ горѣли по два красныхъ кирпичныхъ пятна, похожихъ на свѣжія ссадины. Она была еще грязнѣе, чѣмъ первая, и смотрѣла на идущихъ прямо и просто. Когда они прошли, она запѣла густымъ, мужскимъ голосомъ:

„Для тебя одного, мой любезный,
Я, какъ цвѣтъ ароматный, цвѣла...“